

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

РЕШЕНИЕ

ОТ ИМЕНИ ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Рига, 29 октября 2003 года

по делу № 2003-05-01

Конституционный суд Латвийской Республики в следующем составе: председатель судебного заседания Айварс Эндзиньш, судьи Романс Апситис, Илма Чепане, Юрис Елагинс, Андрейс Лепсе, Илзе Скултане и Анита Ушацка, и секретарь судебного заседания Линда Винкалне,

при участии заявителя конституционной жалобы Сармите Элерте и ее уполномоченного представителя Яутрите Бриеде,

и институция, издавшая спорный акт – Сейм – представитель Гунарс Кусиньш,

на основании статьи 85 Конституции Латвийской Республики, пункта 1 статьи 16 и пункта 11 части первой статьи 17 Закона о Конституционном суде,

на открытом судебном заседании 30 сентября 2003 года рассмотрел дело

“О соответствии статьи 271 Уголовного закона статье 91 и 100 Конституции Латвийской Республики”.

Констатирующая часть

1. Юридическая ответственность за оскорбление чести и достоинства личности в Латвии определена в Уголовном законе и Гражданском законе.

1.1. Сейм Латвийской Республики (далее – Сейм) 17 июня 1998 года принял Уголовный закон. В разделе XXII “Преступные деяния против порядка управления” статья 271 устанавливает: “Оскорбление чести и достоинства представителя власти и иного государственного должностного лица, связанное с выполнением

возложенных на этих лиц должностных обязанностей наказываются лишением свободы на срок до двух лет или арестом, или принудительными работами, или штрафом до шестидесяти минимальных заработных плат”.

1.2. Раздел XV Уголовного закона “Преступные деяния против свободы, чести и достоинства лица” содержит правовые нормы, защищающие честь и достоинство каждого лица.

Статья 156 определяет: “Умышленное оскорбление чести или достоинства лица устно, письменно или действием наказывается арестом или денежным штрафом до десяти минимальных заработных плат”.

Статья 157 определяет: “Умышленное распространение заведомо ложных, порочащих другое лицо измышлений в печатном или иным способом размножений сочинений, а также устно, совершенное публично (клевета) наказывается арестом или денежным штрафом до двадцати минимальных заработных плат”.

Статья 158 определяет: “Оскорбление чести и клевета в средстве массовой информации наказывается лишением свободы на срок до одного года или арестом, или принудительными работами, или денежным штрафом до тридцати минимальных заработных плат”.

1.3. Гражданско-правовая ответственность за оскорбления чести и достоинства лица определена в восстановленном Гражданском законе Латвийской Республики 1937 года (далее – Гражданский закон) в части четвертой “Обязательственное право”, который действует с 1 марта 1993 года. Законом Верховного Совета Латвийской Республики от 22 декабря 1992 года “Об изменениях и дополнениях в части обязательственного права Гражданского закона Латвийской Республики 1937 года” Гражданский закон был дополнен новой статьей 2352а. Она определяет: “Каждый имеет право в судебном порядке требовать отозвать сведения, оскорбляющие его честь и достоинство, если распространитель таких сведений не доказывает, что они соответствуют правде. Если сведения, оскорбляющие честь и достоинство лица распространялись в прессе, то в случае, если они не соответствуют правде, данные сведения необходимо отозвать также в прессе. Если сведения, оскорбляющие честь и достоинство лица, не соответствующие правде, содержатся в документе, данный документ необходимо поменять. В иных случаях порядок отзыва определяет суд. Если кто-либо противоправно оскорбляет честь и достоинство лица устно, письменно или действием, он обязан дать вознаграждение (имущественную компенсацию). Размер вознаграждения определяет суд”.

2. Право на защиту чести и достоинства человека определены в Конституции Латвийской Республики (далее – Конституция) и в международных актах, обязательственных для Латвии.

2.1. Статья 95 Конституции, в том числе, определяет: “Государство защищает честь и достоинство человека”.

2.2. Статья 12 Общей декларации прав человека (далее – Декларация), принятой 10 декабря 1948 года в Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций (далее – ООН) определяет: “Нельзя самовольно вмешиваться

ни в чью личную и семейную жизнь, самовольно угрожать неприкосновенности его квартиры или тайне его корреспонденции или незаконно угрожать его чести и достоинству. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких угроз”.

2.3. Статья 17 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – Пакт), принятого в Генеральной Ассамблее ООН 16 декабря 1966 года определяет: “1. Нельзя самовольно вмешиваться ни в чью личную и семейную жизнь, самовольно угрожать неприкосновенности его квартиры или тайне его корреспонденции или незаконно угрожать его чести и достоинству. 2. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких угроз”.

3. Право на свободу слова определены в Конституции и в международных актах, обязательственных для Латвии.

3.1. Статья 100 Конституции определяет: “Каждый имеет право на свободу слова, включающую право свободно получать, держать и распространять информацию, выразить свое мнение. Цензура запрещена”.

3.2. Статья 19 Декларации определяет: “Каждый человек имеет право на свободу убеждений и право свободно выражать свое мнение: данное право содержит свободу без помех оставаться при своем мнении и право искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами независимо от границ государств”.

3.3. Статья 25 Пакта определяет: “1. Каждый человек имеет право без помех оставаться при своем мнении. 2. Каждый человек имеет право свободно выражать свое мнение, данное право содержит свободу искать, получать и распространять информацию разного вида и идеи независимо от границ государств устно, письменно, используя прессу или виды художественного выражения, или иным способом по своему выбору. 3. Права, предусмотренные в пункте 2 настоящей статьи, накладывают особые обязанности и особую ответственность. Поэтому она может быть связана с определенными ограничениями, но их необходимо определять в законе, и они необходимы для: а) респекта прав и репутации других лиц; б) защиты государственной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности населения”.

3.4. Часть первая статьи 10 Конвенции по защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) Европейского Совет от 4 ноября 1950 года определяет: “Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Данное право содержит свободу мнения и право без помех искать и распространять информацию и идеи без вмешательств со стороны общественных институций и независимо от границ государств. Настоящая статья не оспаривает право государства требовать лицензирование радио передач, показа телевизионных передач и кино”.

4. Ограничения свободы слова предусмотрены в Конституции, Конвенции, законе и кодексах этики средств массовой информации.

4.1. Статья 166 Конституции, к тому же, определяет, что права, определенные в статье 100 Конституции можно ограничивать в случаях,

предусмотренных в законе, для того, чтобы защитить права других лиц, демократический строй государства, защиту общества, благосостояние и нравственность.

4.2. Часть вторая статья 10 Конвенции в отношении свободы слова определяет: “Так как реализация данных свобод связана с обязанностями и ответственностью, она может быть подчинена таким формальностям, правилам, ограничениям или наказаниям, которые предусмотрены в законе и необходимы в демократическом обществе, для того, чтобы защитить интересы безопасности государства, территориального единства или защиты общества, не допустить беспорядки или преступления, защитить здоровье или мораль, защитить репутацию и права других людей, не допустить распространение конфиденциальной информации или чтобы сохранить авторитет и объективность суда”.

4.3. Статья 7 закона “О прессе и других средствах массовой информации” (далее – Закон о прессе), в том числе, определяет: “Запрещено публиковать информацию, оскорбляющую честь и достоинство физических и юридических лиц и распространяющую клевету”. В свою очередь, статья 25 настоящего закона определяет: “Обязанность журналиста: 1) подавать достоверную информацию; (...) 4) отказаться выполнять задание, связанное с нарушением закона; 5) соблюдать права и законные интересы государства, общественных организаций, предпринимательских обществ (предприятий) и граждан”.

4.4. 28 апреля 1992 года Союз журналистов Латвии принял Кодекс этики. Его пункт 1 раздела II определяет: “Главная задача журналиста – гарантировать обществу получение правдивой и проверенной информации”. Пункт 2 определяет: “Изложение фактов должно быть объективным, ясным и однозначным, раскрывая наиболее важные связи и не допуская искажений”. В свою очередь, пункт 1 раздела III определяет: “Редактор (...) несет ответственность за информацию, поданную в журнале, ТВ или радио передаче. Он должен обеспечить поток точной и корректной информации, а также свободный обмен выраженных мнений”. Пункт 1 раздела V определяет: “Журналист обязан критически оценить источник информации, проверить информацию и процитированные высказывания”. Пункт 3 определяет: “В публикации факты должны быть четко и понятно отделены от комментариев автора”.

14 мая 2001 года принят новый кодекс этики – Кодекс профессиональной этики журналистов прессы, радио и телевидения Латвии. Его подписали семь руководителей газет и радио Латвии. В нем определены основные принципы: “Средства массовой информации должны отражать правду, насколько это возможно. Интересы читателей/слушателей более важны, чем интересы владельцев, источников сведений и рекламодателей. Редакторы и журналисты обязаны быть объективными, нельзя использовать содержание статей (радио и ТВ передач) в своих интересах”. Так, в пункте 1 определено: “Подавай правильные сведения. Будь критичным в отношении источников сведений! Проверь факты и цифры, хотя они ранее уже были опубликованы, настолько тщательно – насколько это позволяют обстоятельства. Предоставляй читателю/получателю сведений возможность отличить перечисление фактов от комментариев”.

5. Понятие должностного лица определено в Уголовном законе и законе “О предотвращении конфликта интересов в деятельности государственных должностных лиц” (далее – Закон о предотвращении конфликта интересов).

5.1. Статья 316 Уголовного закона определяет: “(1) Должностными лицами государства считаются представители государственной власти, а также любое лицо, которое постоянно или временно выполняет обязанности государственной или муниципальной службы и имеет право принимать решения, обязательные для любых лиц, или которое имеет право осуществлять функции надзора, контроля, дознания или наказания или распоряжаться имуществом или финансовыми средствами государства или самоуправления. (2) президент страны, депутаты Сейма, премьер-министр, члены Кабинета министров, а также избранные, назначенные или утвержденные Сеймом и Кабинетом министров должностные лица государственных структур, руководители самоуправлений, их заместители и исполнительные директора считаются должностными лицами государства, занимающими ответственное положение. (3) Должностными лицами государства считаются также публичные должностные лица иностранных государств, члены иностранных публичных ассамблей (институция с функциями законодательства или исполнительной власти), должностные лица международных организаций, члены международных парламентарных ассамблей, а также судьи и должностные лица международных судов”.

5.2. Статья 4 Закона о предотвращении конфликта интересов определяет: “(1) Государственными должностными лицами являются: 1) Президент государства; 2) депутаты Сейма; 3) премьер-министр; товарищ премьер-министра, министр, министр по особым поручениям, государственный министр и секретарь парламента; 4) руководитель канцелярии Президента государства и его заместитель, директор канцелярии Сейма и его заместитель; 5) советник президента страны, руководитель, советник, консультант и помощник премьер-министра, товарища премьер-министра, министра по особым поручениям и бюро государственного министра; 6) президент Банка Латвии, его заместитель и член совета Банка Латвии; 7) государственный контролер, член совета государственного контроля, член коллегии департаментов ревизий государственного контроля и управляющий канцелярии государственного контроля; 8) председатель Центральной избирательной комиссии, его заместитель и секретарь Центральной избирательной комиссии; 9) директор Бюро по защите Конституции и его заместитель; 10) начальник Бюро по предотвращению и борьбе с коррупцией и его заместитель; 11) начальник службы предотвращения легализации средств, полученных преступным путем и его заместитель; 12) директор Бюро по правам человека и его заместитель; 13) член Совета национального радио и телевидения, член Совета комиссии по регулированию общественных услуг, член Совета комиссии рынка финансов и капитала; 14) председатель думы (совета) самоуправления и его заместитель, исполнительный директор самоуправления и его заместитель; 15) депутат думы (совета) самоуправления; 16) руководитель государственного учреждения или самоуправления и его заместитель; 17)

служащий общей и специализированной государственной гражданской службы; 18) член совета общества капитала, или член правления общества капитала, в котором доля государства или самоуправления в основном капитале отдельно или в целом превышает 50 процентов; 19) член совета и правления государственного или муниципального общества капитала; 20) представитель держателя части капитала государства или самоуправления и его уполномоченный представитель; 21) судья, прокурор, присяжный нотариус и присяжный судебный исполнитель; 22) солдат или военный сотрудник профессиональной службы национальных вооруженных сил. (2) Государственными должностными лицами являются также лица, которые, выполняя должностные обязанности в государственных или муниципальных учреждениях, в соответствии с нормативными актами, имеют права издавать административные акты, а также осуществлять функции надзора, контроля, дознания или наказания в отношении лиц, которые не находятся в их прямом или косвенном подчинении, или право распоряжаться имуществом, в том числе и финансовыми средствами, государства или самоуправления. (3) Государственными должностными лицами являются также лица, исполняющие должностные обязанности вне государственных или муниципальных институций, если в соответствии с нормативными актами им постоянно или на время государство или самоуправление делегировало какую-либо из функций, упомянутых в части второй настоящей статьи”.

6. В сейм неоднократно подавались предложения исключить из Уголовного закона статью 271.

6.1. Осенью 2001 года такое предложение внес депутат Л.Муциньш. Он указал: “некоторые документы, может быть, уже не соответствуют тем принципам правового государства, которые закреплялись в начале 90-х годов, не только возобновляя Конституцию Латвийской Республики, не только дополняя раздел восьмой настоящей Конституции о правах человека, а также развивая демократию и развивая понятие о данной демократии. Мы можем по-разному относиться к данным проблемам и развивать демократию дальше. Одним из важнейших выражений демократии является свобода слова (...) Статьи 91 и 271 в практике наших судов не применяется, и содержащееся в них отделение людей по их должности (...) также не соответствует принципам демократического государства” (см. Стенограмму заседания седьмой осенней сессии 7 Сейма от 17 октября 2002 года). Но предложение Л. Муциньша было отклонено как в ответственной комиссии – Комиссия обороны и внутренних дел, так и голосованием депутатов Сейма.

6.2. 2 мая 2003 года в Комиссию по обороне и внутренним делам было подано предложение депутатов С. Меллупе, Г. Берзиньша и А. Латковскиса исключить из Уголовного закона статью 91, позже – также предложение исключить статью 271. Упомянутая комиссия данные предложения отклонила. Обсуждая их во втором чтении законопроекта “Изменения в Уголовном законе”, Г. Берзиньш указал: “В отношении подачи недостоверных сведений мы все должны быть равноправными, мы должны иметь одинаковые права. По моему мнению, эта

ситуация была бы только демократичной, правильной” (см. Стенограмму пятого заседания весенней сессии 8 Сейма от 22 мая 2003 года). Противоположным было мнение депутата П. Симсона: “Мы должны осознавать, в каком государстве, в какой ситуации мы живем, и что мы получили в управление от предыдущих коалиций. Это общество с деформированным понятием о чести, достоинстве, ответственности, обязанностях, правах. И все, о чем говорил коллега Берзиньш, было бы нормальным и полностью поддерживаемым, если тогда, когда закончится срок наших полномочий, здесь действительно будет правовое государство со справедливым судом и общество сможет доверять полиции и служащему, и также средствам информации” (там же). В свою очередь, депутат Б. Цилевич указал: “... судебные решения, и конкретные решения вряд ли являются правильным способом, как воспитывать общество до известных стандартов демократии, и что оставление данной нормы (статья 91 Уголовного закона – примечание Конституционного суда) вызывает намного больше опасности, что будет ограничена свобода слова. Потому что в данных вопросах всегда следует искать известный баланс между свободой слова и оскорблением чести и достоинства индивида, каждого лица” (там же).

7. 3 января 2003 года от имени акционерного общества “Диена” ее президент Арвилс Ашераденс и главный редактор газеты “Диена” Сармите Элерте подали в Конституционный суд совместно подписанную конституционную жалобу, прося признать несоответствующей статью 91 и 271 Уголовного закона статье 91 и 100 Конституции. Конституционный суд получил дополнение к конституционной жалобе, в которой имеется уточнение, что заявителем является главный редактор газеты “Диена” Сармите Элерте (далее – заявитель).

8. 12 июня 2003 года Сейм принял закон “Изменения в Уголовном законе”, вступающий в силу 15 июля 2003 года. Статьей 3 настоящего закона из Уголовного закона была исключена статья 91. Это включено в раздел X Уголовного закона “Преступления против государства” и определяет: “За распространение осознанно недостоверных сведений о кандидате в депутаты, публикуя или иначе распространяя, наказывают лишением свободы на срок до трех лет или денежным штрафом до пятнадцати минимальных заработных плат”. Учитывая то, что решением распорядительного заседания Конституционного суда от 21 июля 2003 года было прекращено судопроизводство по делу № 2003-05-01 в части соответствия статьи 91 Уголовного закона статье 91 и 1000 Конституции Латвийской Республики и изменено название дела “О соответствии статьи 271 Уголовного закона статье 91 и 1000 Конституции Латвийской Республики”.

9. **Заявитель** в конституционной жалобе указывает, что статья 271 Уголовного закона (далее – спорная правовая норма) затрагивает ее права, закрепленные в Конституции и международных правовых актах по причине следующих обстоятельств:

9.1. Государственное должностное лицо и любое другое лицо должны быть объединены словом “лицо”, таким образом, они находятся в сравнительных условиях. Должностное лицо наделено особым статусом. Как признал Европейский суд по правам человека (далее – Суд по правам человека), различное отношение в зависимости от статуса лица в принципе допускается. Но только в том случае, если этого требует разное юридическое решение.

Разное отношение должно быть объективным и обоснованным, оно должно соответствовать легитимной цели и быть пропорциональным, именно, достижимая цель должна быть соразмерной с использованными средствами. Суд по правам человека также в своей практике признал, что, критикуя политика или служащего, границы оскорбления его чести и достоинства более широки, чем у частного лица. В спорной правовой норме честь государственного должностного лица необоснованно оценивается выше чести и достоинства обычного члена общества. Должностные лица согласились действовать в интересах общества, и данная им государственная власть уже сама по себе является силой, дающей им большие возможности себя защитить и публично выразить свое мнение по сравнению с другими лицами.

Международная организация “Комитет мировой свободы прессы” (*World Press Freedom Committee*) признала: то, что во многих государствах, в том числе и в западных демократических государствах, данные законы, предусматривающие уголовное наказание за оскорбление чести и достоинства, клевету, по-прежнему действуют, должно считаться анахронизмом. Неравноправное отношение, которое было обоснованным в отдельные исторические периоды, не оправдано в демократическом обществе.

Особо благостное отношение к должностному лицу, что вытекает из спорной правовой нормы, не имеет обоснованного и объективного оправдания. Она несоразмерна с достигаемой целью, таким образом, нарушена статья 91 Конституции.

9.2. Суд по правам человека определил несколько принципов по отношению к свободе слова: ограничения в данных правах необходимо интерпретировать узко, и их необходимость надо определять очень тщательно; пресса должна играть роль “общественной сторожевой собаки”; понятие “необходим” в понимании части второй статьи 10 Конвенции означает “вынужденную социальную необходимость”; суд должен оценить ограничения, учитывая общую связь дела и установить, являются ли данные ограничения пропорциональными достигаемой легитимной цели, и является важным и достаточным данное обоснование.

Судебная практика Латвии свидетельствует, что в случае оскорбления чести и достоинства в понимании статьи 2352а Гражданского закона слова “клевета” и “оскорбление чести” можно интерпретировать не только как сведения, а также как мнение. Такая интерпретация была в решении суда Сената Верховного суда Латвии по делу № SKC-604 от 14 ноября 2002 года. Напротив, Суд по правам человека неоднократно указывал, что в понимании статьи 10 Конвенции существует разница между фактами и оценкой, так как существование фактов можно доказать, а оценку доказать невозможно. Таким образом, ограничения, содержащиеся в спорной

правовой норме, не соответствуют принципу, что ограничения следует интерпретировать узко и необходимость ограничений нужно устанавливать очень внимательно.

Суд по правам человека в своей практике сделал заключение, что возможное наказание отпугивает журналистов от участия в политических дискуссиях, что может повлиять на общественную жизнь. Данная правовая норма, предусматривающая тюремные сроки и штрафы, влияет на права прессы распространять информацию, и вместе с тем, на права общества получать данную информацию. Это происходит даже тогда, если соответствующее наказание не оживляется. Учитывая то, что работа журналистов связана с публикациями о работе государственных институций и их служащих, существует большая вероятность, что спорная правовая норма может быть применена также в отношении журналистов.

Ограничение должно быть необходимым в демократическом обществе, если невозможно достичь соответствующей цели другими, менее ограничивающими средствами. Для защиты против оскорблений не надо использовать публичную власть. Уголовное наказание не нужно, так как в Латвии защитить честь и достоинство возможно в гражданско-правовом порядке.

Ограничение должно быть пропорциональным и ее обоснование – важным и достаточным. Ограничения свободы слова, которые вытекают из спорной правовой нормы, не являются пропорциональными и необходимыми в демократическом обществе и противоречат статье 100 Конституции.

К тому же, в последнее время государства имеют тенденцию отменять законы, предусматривающие уголовные наказания за оскорбления и выражения неуважения. Это сделала Япония, Швеция, Южная Корея, Югославия, Аргентина и некоторые другие государства.

В свою очередь, в демократических государствах, где данные законы еще действуют, они практически не применяются или интерпретируются узко, учитывая защиту свободы слова и прессы, например, в Дании, Франции, Нидерландах, Норвегии, Португалии.

10. Сейм в ответном письме указал, что спорная правовая норма не противоречит правовым нормам Конституции по причине следующих обстоятельств:

10.1. Как Конституция, так и международные правовые нормы допускают ограничения по правам на свободу слова. В соответствии со статьей 116 Конституции одним из ограничений является защита прав других людей. В международных правовых актах также защищается честь и достоинство лица. В части второй статьи 10 Конвенции сделано ударение, что, реализация свободы слова связана с обязанностями и ответственностью, таким образом, может быть подвержена таким ограничениям и штрафам, которые предусмотрены в законе и необходимы в демократическом обществе, чтобы также защитить честь и достоинство других людей.

Статья 100 Конституции не содержит право распространять заведомо ложные сведения, именно, вымыслы и ложь. В свою очередь, Закон о прессе

обязывает журналистов подавать достоверную информацию, а редактора – отвечать за содержание публикуемых материалов, также запрещая публиковать информацию, оскорбляющую честь и достоинство физических и юридических лиц и распространяющую клевету.

Таким образом, свобода слова не является абсолютной и не означает вседозволенность и предусмотренная в спорной правовой норме ответственность не затрагивает право заявителя распространять информацию. Ответственность, определенная в законе за распространение недостоверных, оскорбляющих честь и достоинство сведений оценивается как выполнение требований международных правовых актов в отношении того, что каждое государство-участник обязано ввести эффективные средства правовой защиты для предотвращения нарушений прав и свобод лица. Статья 95 Конституции защищает честь и достоинство человека, таким образом, также право на защиту чести и достоинства являются гарантированными в Конституции защищаемыми основными правами.

Из спорной правовой нормы не вытекает то, что к ответственности привлекаются журналисты за выражение мнения или за критику деятельности должностного лица. Ответственность наступает только за умышленное распространение ложных сведений, вымыслов, оскорбляющих лицо, и данные действия не признаются составной частью основных свобод.

10.2. Уголовный закон преступные деяния в связи с оскорблением чести и достоинства и клеветой дифференцирует в зависимости от статуса потерпевшего. Данная дифференциация объективно обоснована характером и принципами системы уголовного права, вместе с тем нельзя считать, что отличающиеся штрафные санкции являются дискриминирующими в понимании статьи 91 Конституции. В доктрине уголовного права различаются виды объекта преступного деяния – групповой объект и прямой объект. В названиях разделов особой части Уголовного закона включена ссылка на групповой объект. Групповым объектом признаются такие же или одного вида и взаимно связанные интересы, которым угрожает группа преступных деяний. В свою очередь, прямой объект – это те интересы, которым угрожает конкретное преступное деяние и которые защищает конкретная уголовно-правовая норма. В составах отдельных преступных деяний отделяется главный прямой объект и прямой дополнительный объект. Главный прямой объект – это те интересы, которым всегда угрожает преступное деяние определенного вида и для защиты которых принята конкретная норма. В свою очередь, прямой дополнительный объект – такие интересы, которые в другом случае были бы прямым объектом самостоятельного преступного деяния, но в конкретном случае защищаются наравне с главным прямым объектом потому, что им неизбежно данным деянием наносится вред.

Так как в спорной правовой норме для предусмотренного деяния по сравнению с остальными нормами Уголовного закона, в которых защищаются честь и достоинство лица, имеется разный объект угрозы, в нормах определены разные наказания. Определение более суровых санкций за оскорбление чести и достоинства государственного должностного лица можно обосновать тем, что реальный вред в данном случае наносится не только чести должностного лица, а

также интересам государственного управления. К тому же, данный вред наносится только в связи с выполнением возложенных на лицо обязанностей. Таким образом, оскорбление чести и достоинства должностного лица не только дискредитирует соответствующее должностное лицо, но также вызывает недоверие ко всей структуре, которую представляет данное должностное лицо.

Если информация правдивая и верная и не направлена на оскорбление чести и достоинства должностного лица, спорная правовая норма не может быть применена. Она соразмерна легитимной цели, так как ограничивает средства массовой информации только в отношении умышленного оскорбления чести должностного лица, а также запрещает умышленно распространять недостоверные сведения. Значит, спорная правовая норма не ограничивает свободу слова, а обязывает средства массовой информации проверять достоверность информации и обеспечивать, чтобы не оскорблялась честь конкретного должностного лица в связи с выполнением возложенных обязанностей.

К тому же, дифференцированная ответственность за оскорбление чести и достоинства лиц и должностного лица определена также в законах других демократических государств, например, Германии, Дании, Эстонии, Литвы, Польши, Испании.

11. Подготавливая дело к рассмотрению, Конституционный суд просил несколько лиц выразить письменно свое мнение по существу о соответствии спорной правовой нормы правовым нормам высшей юридической силы – основным правам, международным правам и правам Европейского Союза, а также о соответствии спорной правовой нормы принципам демократического государства и ее влияния на общество.

11.1. Руководитель Государственного бюро по защите прав человека Олафс Бруверс указал, что, устанавливая границу между правом на свободу слова и правом на защиту чести и достоинства, необходимо обеспечить равновесие, чтобы ни одно из данного права не были несоразмерно ограничены.

Предусматривая более суровое наказание за оскорбление чести и достоинства представителя власти или другого должностного лица, чем за оскорбление чести и достоинства частного лица, нельзя считать, что благо общества больше вреда, нанесенного индивиду, поэтому данное ограничение несоразмерно. К тому же, в Латвии против оскорбления чести и достоинства каждый может защититься в гражданско-правовом порядке, что меньше ограничивает свободу слова.

Все-таки в некоторых случаях для ограничения свободы слова необходимо использовать также средства уголовно-правовой защиты, если оскорбляющий не известен. Суд по правам человека также, рассматривая дела *Tammer v. Estonia* и *Constantinescu v. Romania*, не констатировал, что право на свободу слова нарушено по той причине, что лицо привлечено к уголовной ответственности. В свою очередь, в решении по делу *Castells v. Spain* Суд по правам человека сделал заключение, что правительство для защиты своей чести и достоинства все-таки не должно использовать уголовно-правовые средства.

Честь должностного лица также можно защищать общими нормами Уголовного закона, предусматривающими ответственность за оскорбление чести и достоинства любого лица. Спорная правовая норма может создать ситуацию, когда люди теряют смелость и воздерживаются от критики государственных должностных лиц, а это, в свою очередь, не соответствует интересам демократического государства. Должностные лица подвержены более широкой критике, чем частные лица. В демократической системе действия или бездействие правительства должны быть подвержены тщательной проверке не только со стороны законодателя или судебной власти, но и также со стороны прессы и общества.

В демократичном обществе нет необходимости наказывать лицо лишением свободы или арестом только потому, что оно кого-то оскорбило. В спорной правовой норме ограничение, предусмотренное для свободы слова – несоразмерно, таким образом, спорная правовая норма противоречит статье 100 Конституции и международным правовым нормам.

Спорная правовая норма также не соответствует принципу равноправия, таким образом, противоречит статье 91 Конституции и международным правовым нормам

11.2. Руководитель рабочей группы по разработке Уголовного закона присяжный адвокат Dr. iur. Айварс Ниедре считает, что заявитель в заявлении не проанализировала международные правовые акты в целом, а упомянула отдельные нормы без общей связи с самим правовым актом и таким образом показала их односторонне.

Законодатель в спорной правовой норме не оценил честь и достоинство должностного лица выше чести и достоинства обыкновенных членов общества, так как для преступных деяний, предусмотренных в отдельных нормах Уголовного закона имеются разные объекты угрозы. Соблюдая разность данных объектов, обоснованно установлена дифференцированная ответственность. Более высокая ответственность в случае за оскорбление чести и достоинства должностного лица определена не потому, что честь одного лица более ценна, чем честь другого лица, а в связи с разными объектами угроз.

В свою очередь, условие, что границы критики в отношении должностного лица более широкие, чем в отношении любого другого лица, необходимо соблюдать Латвийским судам, применяя закон. Это нельзя отнести к самому закону, а только к его применению.

Разрабатывая проект Уголовного закона, его нормы согласованы с нормами уголовных кодексов иностранных государств, главным образом, государств континентальной Европы, а также получены заключения специалистов по правам зарубежных стран. Нормы похожего содержания имеются, например, в уголовном кодексе Германии.

11.3. Руководитель кафедры наук Уголовного права Юридического факультета Латвийского Университета Dr. hab. iur., профессор Улдис Крастинньш признал, что спорная правовая норма не ограничивает свободу слова. Спорная правовая норма является специальной нормой, в свою очередь нормы, в

которых предусмотрена ответственность за оскорбление чести и достоинства любого лица – общие уголовно-правовые нормы. Оскорбляя честь и достоинство государственного должностного лица, виновный изначально обращается к государственному управлению, которое представляет данное должностное лица, законно выполняющее свои функции. Именно для защиты порядка управления создана данная правовая норма. Таким образом, законодатель в спорной правовой норме честь и достоинство государственного должностного лица не оценил выше чести и достоинства любого другого лица. Понятие чести и достоинства как категории этики не меняется в зависимости от статуса лица. Поэтому спорная правовая норма не отрицает равноправие людей перед законом и судом.

В Уголовном кодексе Латвии, который перестал действовать с момента вступления в силу Уголовного закона, была также специальная правовая норма, предусматривающая ответственность за оскорбление судьи и судебного заседателя.

В уголовном праве и гражданском праве понятия “мнение”, “честь”, “достоинство” и “клевета” интерпретируются по-разному. В уголовном праве под клеветой следует понимать распространение вымыслов, оскорбляющих и не соответствующих реальности сведений, сознавая их недостоверность и оскорбляющий характер. В свою очередь, распространение соответствующих реальности сведений, а также выражение критики и мнения можно оценивать как оскорбление чести тогда, когда это делается в форме, оскорбляющей честь и достоинство лица. Таким образом, в отличие от гражданского права, в уголовном праве мнение не считается предметом клеветы, а его выражение признается оскорблением чести тогда, когда это выражается таким способом, который противоречит общепринятой морали, правилам поведения и житейским правилам. В отношении категорий отдельных лиц, например, представителей прессы, также противоречит предписаниям специальных правовых норм. Если сведения, оскорбляющие лицо, соответствуют реальности и их форма выражения не является оскорбляющей, их распространение нельзя квалифицировать как клевету или оскорбление чести, хотя данные сведения могут быть такими, которые кого-либо оскорбляют, шокируют или мешают.

11.4. Ректор Латвийской полицейской академии Dr. iur., профессор Ария Мейкалиша указал, что специалисты Латвийской полицейской академии признают спорную правовую норму соответствующей правовым нормам высшей юридической силы. Спорная правовая норма ограничивает свободу слова, но данное ограничение соответствует статье 116 Конституции – для защиты демократического государственного строя и безопасности общества. Предусмотренное в спорной правовой норме деяние угрожает порядку государственного управления, так как в статье есть указание на то, что упомянутые преступные деяния совершены в связи с выполнением обязанностей, возложенных на лицо. В свою очередь, если клевета и оскорбление чести не связано с выполнением данных государственных обязанностей, уголовная ответственность наступает на общем основании. Таким образом, нельзя утверждать, что государственные должностные лица в связи с личным оскорблением чести находятся в привилегированном положении. К тому же спорная правовая норма не

устанавливает ответственность за критику, так как критика не совместима с преступным распространением сведений, клеветой и оскорблением чести.

11.5. Директор международных и Европейских прав Министерства юстиции Латвийской Республики Сандрис Лагановскис выразил мнение Министерства юстиции, что спорная правовая норма соответствует международному праву и праву Европейского Союза. Она включена в закон с целью защитить демократический государственный строй. Статья 100 Конституции не предусматривает возможность осознанно выражать недостоверную информацию и клеветать на других лиц. Статья 10 Конвенции также предусматривает ограничения свободы слова.

Ограничения прав человека должны быть соразмерны достижимой легитимной цели. Для принципа соразмерности невозможно установить общие единые руководящие линии, и они в каждом деле решаются, учитывая обстоятельства дела. Практика международных и Европейских прав, рассматривая конкретные дела, в данных случаях различается.

11.6. Доцент отделения коммуникационного учения факультета социальных наук Латвийского Университета Авраам Клецкин оценил, что в данном деле у обеих сторон имеются убедительные мнения и спор по существу – о принципах. Если два обоснованных мнения по одному и тому же вопросу взаимно противоречат, это значит, что проблему нельзя решить, просто объявив одно из мнений правильным. В соответствии с теоремой о том, что несовершенство сущности какой-либо системы нельзя понять, оставаясь в ее пределах, и не рассматривая ее в рамках более широкой системы, которая определяет ее цели и является ее частью. В отношении общества и государства обе представленные сферы – представители средств массовой информации и представители лиц, вовлеченных в государственное управление – являются только подсистемами и их деятельность оценивается в зависимости от целей, сформулированных в мета системе соответствия и правилами деятельности, в данном случае – в зависимости от соответствия Конституции.

Как свобода печати и слова, так и защита чести и достоинства служащих в ситуациях, когда они представляют государство, не предусмотрена для того, чтобы представлять какие-либо привилегии журналистам или служащим, а для того, чтобы они своей деятельностью могли эффективно развивать благосостояние государства и его населения и защиту интересов – только для данных целей и только так долго, пока это обеспечивается.

Но на практике “клевета” или распространение недостоверных сведений, в большей мере, это следствие того, что представители государственного управления умышленно или неосознанно, разными способами ограничивают доступ общества к важной государственной информации, особенно во время разработки и принятия решений и законов. Поэтому сначала необходимо реализовать право общества и населения на информацию, затрагивающую их интересы, после этого клеветы на служащих больше не будет. Демократические свободы не совместимы с вседозволенностью и безответственностью прессы. Но законодатель обязан четко

сформулировать, что юридически обозначается словами “взгляд”, “мнение” и их синонимы.

12. Заместитель директора судебного департамента Министерства юстиции Элита Стивриня приглашалась письменно дать информацию о рассмотренных в судах Латвии делах в связи с оскорблением чести и достоинства.

В ответе Министерства юстиции Конституционному суду указано, что с 1999 года до 2002 года в судах рассмотрено 186 гражданских дел, в том числе иск удовлетворен в 58 делах.

В свою очередь, по спорной правовой норме за данный период осуждено два лица. Конституционный суд запросил и получил из Латвийских судов заверенные копии обоих упомянутых решений. Резекненский суд решением от 26 сентября 2001 года признал лицо виновным в оскорблении чести и достоинства трех судей в связи с выполнением возложенных обязанностей и наказал виновное лицо лишением свободы на шесть месяцев. Елгавский суд решением от 7 ноября 2002 года признал лицо виновным в оскорблении чести прокурора в связи с выполнением возложенных обязанностей и наказал виновное лицо принудительными работами на 96 часов.

В компетенцию Конституционного суда не входит проверка обоснованности решений судов общей юрисдикции. Ни в одном из обоих случаев лица не использовали свое право просить суд высшей инстанции пересмотреть решение, таким образом, не сомневаясь в его обоснованности.

13. Заявитель С. Элerte на судебном заседании поддержала позицию, изложенную в конституционной жалобе, что спорная правовая норма противоречит правовым нормам высшей юридической силы. Она высказала мнение, что с помощью спорной правовой нормы честь и достоинство должностного лица считается более ценными, чем добрая слава любого другого члена общества. Она выразила убеждение, что за слово, даже если оно острое или оскорбляющее, нельзя сажать в тюрьму. Спорная правовая норма тормозит журналистов в выполнении своих обязанностей, в том числе таких, цель которых – устранить нелепости в работе государственного управления. Общество заинтересовано критически оценивать тех, кому оно на время передало часть принадлежащей ему власти. Суд по правам человека в нескольких решениях указывал, что политиков и служащих от критики, нападающей или острой оценки их деятельности, следует защищать меньше чем частных лиц.

Присвоенная должностным лицам публичная власть уже и так делает их позиции более крепким и дает им преимущество себя публично защищать. Напротив, журналисты не защищены. В небольших газетах по этой причине своевременно “включат самоцензуру”.

Заявитель настаивал, что и критическое, нападающее и острое мнение журналист всегда высказывает специально, таким образом, спорная правовая норма защищает должностные лица также от выражения мнения. Спорная правовая норма, также как и статья 2352а Гражданского закона по существу не требуют

выяснить, оскорблено должностное лицо, если о нем даны оскорбляющие сведения или высказано мнение. Это доказывает практика Латвийских судов в течение последних 12 лет с момента восстановления независимости в рассмотрении гражданских дел, связанных с оскорблением чести и достоинства.

К тому же, государственное управление не имеет собственных интересов. Интересы имеет только общество и ограничения части второй статьи 10 Конвенции распространяются на интересы общественной безопасности. Ограничения свободы слова необходимо интерпретировать узко, и они не должны распространяться на государственное управление. Краевой камень демократии – свобода слова, а не хорошо защищенные от общества должностные лица.

Отвечая на вопросы судей, заявитель пояснила, что для журналистов Латвии не является обязательственным ни один общий кодекс этики. В газете “Диена”, в котором заявитель работает главным редактором, разработан свой кодекс этики и он является частью трудового договора. Таким образом, если журналист нарушает данный кодекс, его можно уволить с работы. У многих газет нет собственного кодекса этики.

14. На судебном заседании представитель заявителя Я. Бриде выразила мнение, что спорная правовая норма ограничения свободы слова выразило слишком расплывчато. Цель спорной правовой нормы – защита интересов государственного управления – не предусмотрена как легитимная цель ни в Конституции, ни в Конвенции. Оправданно это только в отношении общественной безопасности, которую представляют полицейские и другие стражи закона, а не в отношении всех должностных лиц. Таким образом, в спорной правовой норме недостаточно ясно определена ее легитимная цель.

Предусмотренное в санкции спорной правовой нормы строгое наказание – лишение свободы – противоречит статье 100 Конституции и статье 10 Конвенции.

Недавно в Боснии и Герцеговине, также как во многих других государствах, отменено уголовное наказание за оскорбление чести и достоинства и клевету.

Отвечая на вопросы судей и представителя Сейма, представитель заявителя признала, что оправдано определить ограничения свободы слова в отношении распространения недостоверных сведений. Но спорная правовая норма распространяется на любую информацию, также на правдивую информацию, которая может оскорбить честь и достоинство лица.

Представитель заявителя не могла упомянуть ни одного случая, когда в Латвии по спорной правовой норме было бы возбуждено дело против журналиста.

Она признала, что спорная правовая норма также защищает честь и достоинство судей, и в данном случае ограничение имеет легитимную цель. Если спорная правовая норма защищала только честь и достоинство судей, она не была бы обжалована. С данным мнением согласилась и заявитель С. Элерте.

15. Представитель Сейма Г. Кусиньш на судебном заседании поддерживал позицию, высказанную в ответном письме Сейма, что спорная правовая норма соответствует правовым нормам высшей юридической силы. Он

выразил мнение, что заявитель не правильно интерпретирует международные правовые акты. В практике Суда по правам человека признано, что главная задача прессы – распространять информацию и идеи и она не может преступать определенные границы. Свобода слова не является абсолютной и не означает вседозволенность. Необходимо обеспечить справедливое равновесие между свободой слова и честью и достоинством других людей.

Спорная правовая норма предусматривает уголовную ответственность только в случаях, когда честь оскорбляется намеренно и только в связи с выполнением возложенных обязанностей. Он признал, что спорная правовая норма сформулировано очень широко и из легитимных целей, содержащихся в ней, самая главная – защита чести и достоинства других людей. Вторая легитимная цель – обеспечить судебную власть и ее объективность. Для должностных лиц некоторых категорий, например судей и полицейских, защита, обеспеченная спорной правовой нормой необходима, чтобы они могли выполнять свои обязанности. Таким образом, средства, предусмотренные для достижения легитимной цели, содержащейся в спорной правовой норме – соразмерны.

Предусмотренное в спорной правовой норме нарушение в соответствии с Уголовным законом квалифицируется как уголовное нарушение, а не уголовное преступление. Поэтому, не имеется основания утверждать, что это тяжелое деяние, и за него предусмотрены тяжелые санкции. Цель наказания, предусмотренного в спорной правовой норме – воздержаться лицо от противоправных действий и заставить его вспомнить свои обязанности и ответственность.

Г. Кусиньш выразил мнение, что спорная правовая норма из-за общего устройства является достаточно общей и суды должны применять ее в соответствии с отзывами, высказанными в Конституции, Конвенции и решения Суда по правам человека.

Отвечая на вопросы судей и представителя заявителя, представитель Сейма признал, что, спорная правовая норма могла бы предусматривать менее суровые наказания. Но в таком случае пресса должна договориться о введении в жизнь кодексов этики и их норм с участием государства, например омбудов, которые определяли ответственность за объективность сведений.

Понятие уголовного права “интересы государственного управления” в данной норме квалифицируются ни как ее легитимная цель, а как объект угрозы.

16. Приглашенное лицо, исследователь Института по правам человека Латвийского Университета Артурс Куче на судебном заседании признал, что в практике Латвийских судов в течение последних лет ни один журналист не был осужден по спорной правовой норме.

Он выразил мнение, что в отношении защиты чести и достоинства понятие государственного должностного лица слишком широкое. В отношении защиты чести и достоинства судей, как это признал также и Суд по правам человека, данная норма необходима. Также рациональная основа определить данную защиту высшим должностным лицам государства, например, президенту страны и премьер-министру. Но ее нельзя устанавливать для политиков, так как они принимают

существенные для общества решения, и обществу будет нанесен вред, если пресса воздержится от критики их деятельности.

А. Кучс указал, что лишение свободы нужно применять только в исключительных случаях, а не делать это общей практикой.

17. Приглашенное лицо, Dr. iur Айварс Ниедре на судебном заседании выразил мнение, что спорная правовая норма соответствует нормам Конституции и суды обязаны обеспечить правильное ее применение в соответствии с практикой Суда по правам человека. Закон надо знать, учиться и правильно применять. Спорная правовая норма имеет значение общей превенции, также как многие другие нормы Уголовного закона.

Дифференцированная ответственность в Уголовном законе установлена также в других случаях. Так, дифференцированная ответственность установлена также за убийство и нанесение тяжелых телесных повреждений лицу в связи с его профессиональной деятельностью; например за преступные деяние такого вида в отношении журналистов определена более высокая ответственность чем в отношении других лиц.

18. Уполномоченный представитель приглашенного лица директора Государственного бюро по правам человека Олафа Бруверса юрист Отдела анализа Государственного бюро по правам человека Анита Ковалевска на судебном заседании выразила мнение, что спорная правовая норма противоречит нормам Конституции и Конвенции.

Она, ссылаясь на практику Суда по правам человека, признала, что государство само может решать, какие законы принимать. Но правительство, если оскорбляются его интересы, не должно использовать уголовно-правовые средства защиты. В данных случаях можно использовать гражданско-правовые средства защиты. В демократическом обществе недопустимо за высказывание наказывать лишением свободы. Свободная дискуссия ценится выше защиты прав, определенных в спорной правовой норме.

19. Приглашенное лицо, Dr. iur профессор Валентия Лихолая на судебном заседании выразил мнение, что спорная правовая норма соответствует Конституции. Она указала, что спорная правовая норма имеет квалифицированный состав по сравнению с общими нормами Уголовного закона за оскорбление чести и достоинства, таким образом, выражение объективной стороны всех этих норм одинакова и не может отличаться.

В спорной правовой норме, также как в статье 157 Уголовного закона, предусмотренный деликт клеветы необходимо понимать очень узко: 1) он содержит только умышленно недостоверные сведения, а не мнение, и виновный осознает, что данная информация недостоверна; 2) данная умышленно недостоверная информация такая, что оскорбляет честь и достоинство лица, и это виновное лицо осознает; 3) несмотря на все это, виновное лицо умышленно распространяет информацию.

В свою очередь, в случае оскорбление чести и достоинства, что определено в статье 156 Уголовного закона, информация может быть достоверной, а ее способ выражения – такой, что оскорбляет честь лица. Таким образом, если выданная журналистом информация справедливая, хоть и оскорбляющая, шокирующая или мешающая, или это критика - спорная правовая норма за это ответственность не предусматривает. Лицо можно привлечь к уголовной ответственности только тогда, когда его вина доказана.

При этом каждое государство принимает и упорядочивает свои законы в соответствии со своими традициями и опытом.

20. Приглашенное лицо, доцент Авраам Клецкин на судебном заседании выразил мнение, что в рассматриваемом деле главный вопрос – понимание демократии и места средств массовой информации в обществе. Он как представитель журналистики – против уголовных наказаний в данной сфере.

Он выразил мнение, что ни одному физическому лицу нельзя присваивать иные права чем у других людей. Но в демократичном обществе разные права можно присвоить лицу в рамках выполнения обязанностей. Других преимуществ лицо не имеет, и это распространяется как на служащего, так и на журналиста. Право журналиста на свободу прессы вытекает из права общества получать информацию, таким образом, и данное присвоенное журналисту право вытекает из его профессиональных обязанностей. Вместе с тем и журналист, и служащий, когда они не выполняют возложенные на них обязанности, защищены также как любой человек без какой-либо разницы.

А. Клецкин признал: хотя в Конституции признано, что Латвия является демократическим государством, это еще не значит, что в Латвии демократическое общество. В Латвии еще не создалась такая журналистская среда, которая могла сама регулировать профессиональную этику и которая имела бы общепризнанный кодекс этики. Журналисты должны создать механизм само регуляции, как, например в Германии. Журналисты обязаны, в первую очередь, беречь свою честь, в том числе и для того, чтобы защитить людей от нечестных журналистов.

Но свое мнение журналисты должны высказывать в уважительном виде – остро, а не неприлично. В свою очередь, законодатель должен четко сформулировать, что такое “мнение”.

А. Клецкин признал, что, оскорбляя должностное лицо в связи с выполнением возложенных обязанностей, в сущности, создается угроза демократическому порядку, а не самому лицу, и в данном случае ответственность должна быть больше. Он выразил мнение, что с развитием демократии в обществе необходимо снизить наказания за данные нарушения.

Часть выводов

21. Свобода слова относится к правам человека первого поколения и считается одним из самых важных основных прав человека. Свобода слова включена в основной закон любого важных основных прав человека. Свобода слова

включена в основной закон любого государства и относится к гражданским и политическим правам человека.

Свобода слова в публичном аспекте содержит также свободу прессы. Значит, использованный в статье 100 Конституции “свобода слова” содержит также понятие “свобода прессы” (см. пункт 1 части выводов решения № 2003-02-0106 Конституционного суда от 5 июня 2003 года). Вместе с тем любое ограничение свободы прессы в рамках данного дела в более полном значении следует понимать также как ограничение свободы слова.

Право на свободу слова содержит Конституция – основной закон Латвии, а также несколько обязательственных международных правовых актов (см. пункт 3.1.-3.4. данного решения) и признано неотъемлемой частью прав человека.

22. Сейм в ответном письме и представитель Сейма на судебном заседании обоснованно указал, что право на свободу слова не является абсолютным и не означает вседозволенность. Как из Конституции, так и из обязательственных международных правовых актов вытекает, что право на свободу слова можно ограничить (см. пункт 4.1. и 4.2. данного решения). Государство может установить ограничение свободы слова в случаях, когда право лица на свободу слова оказывает прямое влияние на право другого лица, а также в случаях, когда свобода слова вызывает недвусмысленную и прямую угрозу обществу (см. пункт 1 части выводов решения № Конституционного суда № 2003-02-0106 Конституционного суда от 5 июня 2003 года и Manfred Nowak. U.N. Covenant on Civil and Political Rights. CCPR Commentary. – Publisher N.P.Engel, Kehl, Strasbourg, Arlington, 1993, p.337).

Статья 116 Конституции предусматривает, что право на свободу слова можно ограничить в случаях, предусмотренных в законе для того, чтобы защитить права других людей, демократический государственный строй, безопасность общества, благосостояние и нравственность. В свою очередь, в части второй статьи 10 Конвенции предусмотрены определенные в законе и необходимые в демократичном обществе ограничения свободы слова для того, чтобы защитить интересы государственной безопасности, территориальной целостности и общественной безопасности, не допустить беспорядки и преступления, защитить здоровье и мораль, защитить репутацию и права других людей, не допустить разглашение конфиденциальной информации или чтобы сохранить авторитет и объективность суда.

Конституция ограничения свободы слова определила в общем, в свою очередь Конвенция дает более конкретные критерии, поэтому в отношении допустимых более широких ограничениях свободы слова нормы Конституции следует интерпретировать в понимании статьи 10 Конституции.

Основные свободы можно ограничивать только в случаях, определенных в Конституции, к тому же, соблюдая принцип соразмерности. Таким образом, ограничения свободы слова должны быть: 1) определены в законе; 2) оправданы легитимной целью; 3) пропорциональны или соразмерны с данной целью.

23. Разработка Уголовного закона продолжалась 10 лет, и он широко анализировался и обсуждался. Как указано в аннотации проекта разработки Уголовного закона, составленного членом рабочей группы, лектором Юридического факультета Латвийского Университета Агры Рейгасе и подписанного тогдашним министром юстиции 1 августа 1996 года, он был направлен для выдачи заключения во все министерства, а также в правоохранительные учреждения. Кроме того, получены заключения иностранных ученых и заключения экспертов Европейского Союза. В сентябре 1995 года второй переработанный вариант был опубликован и его обсуждали юристы Латвийской Республики. В него внесены также предложения, поданные Генеральной прокуратурой Латвийской Республики, которые основываются на практическом опыте.

В Сейме Уголовный закон был принят большинством голосов: в первом чтении – единогласно, во втором – одним голосом “против”, в третьем чтении – тремя голосами “против” и 8 голосами “воздержался” (*см. стенограммы восьмого заседания зимней сессии 6 Сейма Латвийской Республики от 6 февраля 1997 года, четвертого заседания осенней сессии 6 Сейма Латвийской Республики от 11 сентября 1997 года и седьмого внеочередного заседания весенней сессии 6 Сейма Латвийской Республики от 18 мая 1998 года*).

Значит ограничение, включенное в спорную правовую норму, определено в законе.

24. Свобода слова – это одно из необходимых предусловий, необходимых для создания общества, основанного на взаимном уважении. Вместе с тем, право на свободу слова тесно связано с правом лица на защиту чести и достоинства.

В деле, рассматриваемом в суде, противопоставлено два права, гарантированных человеку: право на свободу слова и право на неприкосновенность чести и достоинства. Также как право на свободу слова, также и право на неприкосновенность чести и достоинства закреплено как в Конституции, так и в обязательственных для Латвии международных правовых актов (*см. пункт 2.1.-2.3. данного решения*).

Суд по правам человека также в своей практике пришел к заключению: “Статья 10 Конвенции не гарантирует полную и неограниченную свободу слова даже в отношении публикации важной, значительной для общества информации. Параграф второй упомянутой статьи предусматривает, что “реализация данных свобод связана с обязанностями и ответственностью”, которые распространяются также на прессу. Данные обязанности и ответственность становятся особенно важными, если (...) оскорбляется репутация частных лиц и права других людей” (*Решение Суда по правам человека от 20 мая 1999 года в деле Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway, para.65*).

Суд по правам человека рассмотрел много дел в связи с возможным оскорблением права на свободу слова, определенного в статье 10 Конвенции и многократно анализировал конкретные случаи в поисках разумного равновесия между выраженным взглядом или мнением и оскорблением чести и достоинства

другого лица. Так как Суд по правам человека не проводит абстрактный контроль правовых норм, а оценивает фактические обстоятельства конкретного дела, то даже при рассмотрении похожих дел об оскорблении о свободе слова и праве человека на защите чести и достоинства, решения Суда по правам человека были разными. Президент Суда по правам человека Луциус Вильдхабер признал: “Вопрос о границах свободы слова и прессы до конца не определены также и Суде по правам человека. (...) Рассматривая дела о свободе слова, мы всегда четко разделяем, какая информация расценивается как мнение журналиста или какого-либо третьего лица, а какая подана как материал новостей. Материалы новостей всегда должны быть достоверными, а мнение – всегда субъективным и эмоциональным, поэтому для како-то может быть и неприятным. Единственным ограничением в отношении выражения мнения является уголовный кодекс каждого государства” (*интервью репортера Инты Ласе с Луциусом Вильдхабером, опубликованное в газете “Диена” 13 марта 2003 года*).

Обосновано мнение представителя Сейма, что, устанавливая границу между свободой слова и правом на защиту чести и достоинства, необходимо обеспечить справедливое равновесие (*см. пункт 15 данного решения*). Похожее мнение высказал также руководитель Государственного бюро по правам человека (*см. пункт 11.1. данного решения*). В законе необходимо сбалансировать защиту основных прав и, расширяя одно основное право, необходимо следить, чтобы другие права были бы ограничены по возможности в меньшей мере.

25. Устанавливая ограничения прав человека, они должны быть оправданными с легитимной целью: права других людей, демократический государственный строй, безопасность общества, благосостояние, нравственность. Обоснована аргументация, данная как в ответном письме Сейма, так и данная на судебном заседании представителем Сейма Г. Кусиньшем и приглашенными лицами А. Ниедре и В. Лихолаи, что оспоренная правовая норма имеет легитимную цель – защищать права других людей, демократический государственный строй, безопасность общества и объективность суда. Демократический государственный строй невозможно представить без упорядоченной и в подлежащем порядке защищенной деятельности государственного управления, что гарантирует как безопасность общества, так и права других людей. Данную легитимную цель содержит также часть вторая статьи 10 Конвенции.

Значит, ограничения свободы слова, включенные в спорную правовую норму, имеют легитимную цель.

26. В соответствии с Уголовным законом преступное деяние, предусмотренное оспоренной правовой нормой, угрожает групповому объекту – порядку управления – и прямому объекту – государственному управлению, которое представляет государственное должностное лицо. Честь и достоинство в данной норме является только прямым дополнительным объектом. Таким образом, предусмотренное в спорной правовой норме оскорбление направлено против деятельности государственного управления как объекту прямой угрозы, а не против

должностного лица как физического лица. Если оскорбление чести и достоинства должностного лица не связано с выполнением обязанностей, возложенных государством, то уголовная ответственность для виновного лица наступает в соответствии со статьей 156-158 Уголовного закона, где прямой объект – честь и достоинство каждого лица, в том числе честь и достоинство должностного лица. Анализируя структуру Уголовного закона, делается заключение, что законодатель спорной правовой нормы собирался защитить честь и достоинство должностного лица только в связи с возложенными на него обязанностями с целью обеспечения эффективной деятельности государственного управления.

В свою очередь, обеспечение эффективной деятельности государственного управления тесно связано с такими возложенными на лица обязанностями, которые направлены на защиту интересов безопасности и государства и общества, недопущения беспорядков и преступлений и сохранение авторитета и объективности суда. Таким образом, не обосновано мнение заявителя, выраженное на заседании суда, что государство не должно себя защищать. Данная защита, ограничивая свободу слова, предусмотрена как в статье 116 Конституции, так и в части второй статьи 10 Конвенции.

27. Суд согласен со сказанным на судебном заседании представителем Сейма, что необходимо различать легитимную цель спорной правовой нормы от объекта угрозы. Представитель Сейма обратил внимание на то, что заявитель и ее представитель объект угрозы спорной правовой нормы – порядок государственного управления – необоснованно считают легитимной целью нормы. Соответствие правовой нормы ограничениям свободы слова, предусмотренным в Конституции и Конвенции можно оценить только тогда, если сравнить легитимную цель спорной правовой нормы с легитимной целью, определенной в Конституции и части второй статьи 10 Конвенции.

28. Принцип правового равноправия означает, что при одинаковых фактических и правовых обстоятельствах отношение одинаковое, в свою очередь, при различных обстоятельствах отношение разное. Можно согласиться с мнением заявителя, что понятия “государственное должностное лицо” и “любое лицо” можно объединить в одно понятие “лицо” и таким образом данные лица считать такими лицами, которые находятся в сравниваемых обстоятельствах. Но в понимании статьи 91 Конституции сравниваемые обстоятельства распространяются на спорную правовую норму только в аспекте чести и достоинства лица, а не в аспекте свободы слова. В соответствии со статьей 19.² Закона о Конституционном суде, конституционную жалобу в Конституционный суд лицо может подать только тогда, если оно считает и обосновывает, что ее определенные основные права затрагивает правовая норма Конституции, несоответствующая правовой норме высшей юридической силы. “Понятие “затрагивает” содержит закон с целью ограничить конституционную жалобу от жалобы в пользу общности. Это требует, чтобы существовала возможность обоснованности, что спорная норма затрагивает заявителя жалобы” (см. пункт 2.4. части выводов решения Конституционного суда

по делу № 2001-06-03 от 22 февраля 2002 года). Данная конституционная жалоба не выдвигает иск о затрагивании чести и достоинства заявителя, содержащейся в спорной правовой норме. Поэтому заявитель не является субъектом, определенным в Законе о Конституционном суде, имеющим право обжаловать правовую норму в данном аспекте.

Так как спорная правовая норма и те нормы Уголовного закона, которые защищают право любого лица на защиту чести и достоинства, являются разными прямыми охраняемыми объектами, когда в понимании статьи 91 Конституции в связи со свободой слова они не находятся в сравниваемых обстоятельствах.

Вместе с тем, Конституционный суд не имеет основания для оценки соответствия спорной правовой нормы статье 91 Конституции в связи с конституционной жалобой заявителя, так как в аспекте права на свободу слова в спорной правовой норме не входят такие группы лиц, которые находятся в сравниваемых обстоятельствах.

29. Ограничения свободы слова для того, чтобы защитить честь и достоинство, определены также в других нормах Уголовного закона, в том числе в статье 158, в которой в виде санкции определено лишение свободы. Данная статья в конституционной жалобе не обжалована. Определение санкций за преступные деяния связано с уровнем демократизации в государстве, таким образом, в виде политического вопроса находится в компетенции законодателя. Поэтому Конституционный суд, соблюдая принцип самоограничения суда, не оценивает соразмерность санкции, включенной в спорную правовую норму, с составом преступного деяния.

30. Спорная правовая норма уголовную ответственность за умышленное оскорбление чести и клевету. В соответствии с теорией уголовного права, спорная правовая норма содержит умышленное намерение совершившего преступное деяние, именно, виновное лицо хочет клеветать на представителя власти или государственное должностное лицо или оскорбить честь данного лица в связи с выполнением возложенных обязанностей. Прямое намерение. Реализованное посредством умышленного преступного деяния означает, что лицо, совершившее преступное деяние, предусмотрело последствия и хотела их наступления (см. У. Крастиньш, В. Лихолая, А. Ниедре. *Комментарии Уголовного закона. 1-ая книга. Общая часть. Рига, "AFS", 1999, 75 стр.*).

30.1. Предусмотренное в спорной правовой норме оскорбление чести может выражаться в оскорбляющей оценке должностного лица или его деятельности устно, письменно или действиями (например плевков, пощечина, неприличный жест). Это можно сделать только предумышленно, при этом виновный осознает, что делает это в связи с выполнением возложенных на представителя власти или государственное должностное лицо обязанностей (см. *Уголовное право. Общая и специальная часть. В научной редакции проф. У. Крастиня. Рига, Агентство зданий суда, 1999, 297 стр.*).

Честь в понимании Уголовного закона – это общественная оценка соответствующей личности, показателем которой является поведение, отношение к социальным и духовным ценностям, обществу, другим людям самого индивида (см. У. Крастиньш, В. Лихолая, А. Ниедре. *Комментарии Уголовного закона. 4-ая книга. Специальная часть. Рига, “AFS”, 1999, 100 стр.*).

В. Лихолая обоснованно на судебном заседании указала, что деликт клеветы, предусмотренных в спорной правовой норме следует понимать очень узко: 1) он содержит только умышленно недостоверную информацию, а не мнение, и виновный в данном случае осознает, что данная информация недостоверна; 2) умышленно недостоверная информация такая, что оскорбляет честь и достоинство лица, и виновное лицо это осознает; 3) виновное лицо это осознавая это, все-таки умышленно распространяет данную информацию. К тому же, чтобы применить какую-либо норму Уголовного закона, всегда надо доказать виновность лица и все сомнения переводятся в пользу обвиняемого лица. Таким образом, спорная правовая норма в случае клеветы не предусматривает ответственность, если информация достоверна, хотя и может быть шокирующей или мешающей.

31. Статья 100 Конституции предусматривает право не только свободно выражать собственное мнение и распространять информацию, а также свободно получать информацию. По своей сущности право на свободу слова вытекает из права общества получать информацию. Суд согласен с мнением эксперта средств массовой информации А. Клецкина, что право на свободу слова и прессы отчуждено от права общества получать информацию, и не могут считаться каким-либо особым правом, данным журналисту. Также на конференции 24 апреля 2003 года “Этика средств массовой информации: проблемы и решения” было сделано заключение: “Общество имеет право получать достоверную информацию - это аксиома. И задача и обязанность средств массовой информации – служить интересам общества” (“*Дискуссия. Право общества получать достоверную, правдивую и всестороннюю информацию.*” *Обобщенный обмен мнениями редактора журнала “Капитал” Гунтиса Розенберга на конференции 24 апреля 2003 года “Этика средств массовой информации: проблемы и решения”.* <http://www.politika.lv>).

Таким образом, обязанность прессы давать только достоверную информацию и свобода слова в данном аспекте включает также обязанности и ответственность. Данное заключение в отношении журналистов неоднократно давал Суд по правам человека, указывая, что статья 10 Конвенции их защищает только в том случае, если “они действуют добропорядочно, подают точную и проверенную информацию, соблюдая этику журналиста” (*Human Rights. The 1998 Act and the European Convention. London, Sweet & Maxwell, 2000, p.300, см. также решение Суда по правам человека по делу Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway, para.65, решение от 27 марта 1996 года по делу Goodwin v. United Kingdom, para.39 решение от 21 января по делу Fressoz and Roire v. France, para.54*).

31.1. Свобода прессы ограничивается в Законе о прессе (см. пункт 4.3. данного решения). Данный закон также обязывает журналистов давать только

достоверную информацию, отказываться выполнять задание, выполнение которого связано с нарушением закона. Соблюдать права и законные интересы государства, а также физических и юридических лиц.

31.2. К тому же опыт демократических государств свидетельствует, что соответствующие сферы регулируются с помощью особых кодексов этики и данные нормы этики реализуются одинаково. Это распространяется также на этику прессы. Так, например, в отдельных Северных странах существует единый кодекс этики журналистов и в данной сфере определена исполнительная институция – совет средств массовой информации, в состав которого входят признанные профессионалы данной сферы и другие лица (см. *sk. The Finnish Experience. Реферат бывшего журналиста “Helsingin Sanomat” Jukas Rislaki на конференции 24 апреля 2003 года “Этика масс-медиа: проблемы и решения”*. <http://www.politika.lv>). В свою очередь в Швеции создан специальный омбудсмен прессы, в компетенцию которого входит и надзор и защита журналистов. Он рассматривает конкретные жалобы и урегулирует их без посредства суда или направляет в суд, если обе стороны не могут достичь удовлетворительного результата (см. там же *The self-disciplinary system of the Swedish press. Реферат Анны Листед. Главного редактора “Swedens Igress Media”*).

Таким образом, во многих демократических государствах создан эффективный механизм, который помогает обеспечить справедливое равновесие между правом на свободу слова и другими гарантированными основными правами человека. Вместе с тем понятно, что в этих государствах нет необходимости строгими штрафными санкциями превентивно выступать против оскорбления чести и достоинства человека, которое может возникнуть, неограниченно осуществляя право на свободу слова.

31.3. В данном аспекте оценивается регулирование норм этики прессы и их соблюдения в Латвии как дающей публичную информацию. Принятый 28 апреля 1992 года кодекс этики Союза журналистов Латвии определяет также принципы этики журналистов. Принятый 14 мая 2001 года Кодекс профессиональной этики журналистов прессы, радио и телевидения Латвии (см. пункт 4.4. данного решения). Оценивая данные кодексы и сравнивая их с кодексами этики журналистов других государств. Делаем заключение, что в них определены нормы этики журналистов, соответствующие демократическим государствам.

Среди журналистов Латвии распространены различные мнения о необходимости соблюдения норм этики. “На моральные принципы, кодекс этики и опыт Западных журналистов в некоторых изданиях смотрят свысока. Аморальным здесь считают скорее не манипуляцию читателями, а разделение новостей и комментариев. (...) И никакого общего кодекса этики журналистов у нас нет. Мне может возразить Союз журналистов Латвии (СЖЛ), но данная организация, на данный момент, не имеет никакого влияния в реальной жизни, так как трудно найти редакцию, которая официально обязуется соблюдать кодекс этики” (Владислав Сорокин. *Аморальная журналистика. Опубликовано 19 ноября 2002 года на портале*. <http://www.politika.lv>).

“Данные кодексы сочиняют те, кто уже соответствуют их смыслу. (...) Каждой политически или профессионально слабой системе даже опасно хвастаться какими-то кодексами этики. (...) Кодексы этики мне кажутся враньем, когда ненужно” (Виктор Авотиньш. *Вмешивайся в дела, но не воруй*. Опубликовано 1 октября 2002 года на портале <http://www.politika.lv>).

Главный редактор журнала “Капитал” Гунтис Розенбергс обобщил выраженные на конференции 24 апреля 2003 года “Этика средств массовой информации: проблемы и решения” мнения: средств массовой информации, осознавая необходимость введения эффективного механизма самоконтроля. Должны достичь взаимного соглашения, что принципы этики средств массовой информации будут декларироваться для всего поля журналистики и будет создан также особый совет по этике. Общество и средств массовой информации пока только думают о самоорганизации (см. *Дискуссия. Право общества получать достоверную, справедливую и всестороннюю информацию*. Опубликовано 30 апреля 2003 года на портале. <http://www.politika.lv>).

А. Клецкин также на судебном заседании обоснованно указал, что в нашем обществе создалась такая журналистская среда, которая смогла бы сама регулировать свою профессиональную этику, поэтому сначала в данной среде необходимо создать механизм само регуляции.

Право на свободу слова характеризует устройство демократического государства и объем данного права – демократичное общество. А. Клецкин на судебном заседании сказал: “Да. Нам четко и ясно определено в Конституции, что мы – демократичное государство. Но это не значит, что мы являемся демократичным обществом. Это только значит, что наше законодательство соответствует принципам и требованиям демократичного государства (...). Но реально мы живем “немного” в других условиях”.

Кодекс этики Союза журналистов на международном уровне презентуется как Общий кодекс этики журналистов Латвии (см., например домашнюю страницу Университета Тампере www.uta.fi/ethicnet. *Databank for European Codes of Journalism Ethics*). Но, так как заявитель на судебном заседании признал, что ни один из упомянутых двух кодексов этики не обязателен для журналистов, можно сделать заключение, что они имеют декларативный характер и сфера этики журналистов в Латвии не упорядочена. Таким образом, в Латвии вопросы этики журналистов прессы решаются в соответствии с внутренним пониманием этики каждого средства массовой информации. Обоснованно выраженное на судебном заседании мнение представителя Сейма, что пресса должна объединиться в осуществлении кодекса этики и его норм с участием государства, создав соответствующую институцию, например омбуд.

32. В конституционной жалобе обоснованно указано, что в тех демократических государствах, в которых действуют похожие уголовно-правовые ограничения как в спорной правовой норме, они практически не применяются или интерпретируются узко (см. пункт 9.2. данного решения). Но нельзя согласиться с

утверждением заявителя, что практика Латвийских судов в рассмотрении похожих уголовных дел отличается от данной модели.

Любая конституционно закрепленная правовая норма, в том числе и право на свободу слова, реализуется напрямую и без посредников и является обязательной для всех. Используя норму должен руководствоваться интерпретацией, которая на данный момент применяется в отношении спорной нормы, именно, соблюдая нормы и принципы Конституции и обязательственных для Латвии международных правовых актов.

При этом, применяя спорную правовую норму, необходимо учитывать также заключение Суда по правам человека: “Допустимые границы критики в отношении представителей правительства по сравнению с частными лицами более широкие. В демократической системе за деятельностью или ленью правительства необходимо тщательно наблюдать не только со стороны институций законодательства и суда, но и со стороны прессы. Кроме того факт, что правительство находится в доминирующем положении, заставляет его соблюдать некоторое воздержание и не возбуждать сразу судопроизводство, особенно в случаях, когда есть возможность иначе обратиться против несправедливых нападений и критики противников или прессы. Но компетентные государственные учреждения, гарантируя общественный порядок, могут решать вопрос по поводу средств (также юридических), с помощью которых можно обращаться против ранее упомянутой критики, ложных обвинений, высказанных без основания” (*Решение Суда по правам человека от 23 апреля 1992 года по делу Castells v. Spain, para. 46*).

Поэтому необоснованно утверждение заявителя, высказанное на судебном заседании, что спорную норму опасной делает обычная судебная практика в Латвии, связанное рассмотрением дел об оскорблении чести и достоинства. Спорная правовая норма применяется очень редко (*см. пункт 12 данного решения*) и по ней не осужден ни один журналист. По отношению к журналистам неоднократно применялась статья 2352а Гражданского закона, но соответствие данной статьи правовым нормам высшей юридической силы в конституционной жалобе не обжаловалось. Заявитель некорректно сравнивает гражданско-правовую и уголовно-правовую защиту чести и достоинства лица.

33. При развитии демократического уровня в государстве, право на свободу слова имеет тенденцию расширяться. “... фактически речь идет о более объемных вещах, чем о данной статье. Речь идет об общем понятии демократии, о месте средств массовой информации в современном обществе, о том, в каком положении находимся мы сами” (*Сказанное А. Клецкиным на судебном заседании Конституционного суда 30 сентября 2003 года*).

Таким образом, существенна оценка воли депутатов Сейма как делегированных представителей народа, решая, необходима спорная правовая норма в демократичном обществе на данный момент.

Анализируя стенограмму судебного заседания от 22 мая 2003 года, видно, что депутаты 8 Сейма, обсуждая вопрос об исключении из закона двух правовых норм – в отношении защиты чести и достоинства государственного должностного

лица и кандидата в депутаты в Уголовном законе – развили дебаты по поводу обеих спорных нормах (см. пункт 6.2. данного решения) Депутатское большинство получило мнение, что данные нормы демократичном обществе больше не нужны. В последовавшем после дебатов голосовании большинством голосов статья 91 об оскорблении чести и достоинства кандидата в депутаты из Уголовного закона была исключена. Хотя аргументация депутатов распространяется на содержание и значение обеих норм – о чести и достоинстве кандидата в депутаты и государственного должностного лица – все-таки, позднее голосуя за исключение спорной правовой нормы, предложение не получило поддержку большинства депутатов, Конституционный суд не получил обоснования того, почему голосование по поводу обеих норм был различным.

34. Ограничение должно быть соразмерно с целью, которую старается достичь законодатель спорной правовой нормой. Соразмерность значит, что благо, которое получает общество от соответствующего ограничения основных прав. Должно быть больше убытка, который наносит данное ограничение другим правам. Принцип соразмерности прямо вытекает из статьи 1 Конституции, и распространяется на все отношения между государством и индивидом, если права индивида ограничиваются.

Чтобы оценить, являются необходимыми ограничения свободы слова, содержащиеся в спорной правовой норме, в демократичном обществе и могут применяться как средства достижения легитимной цели, необходимо проверить, являются ограничения социально необходимыми и соразмерными (см. пункт 4 выводов решения Конституционного суда по делу № 2003-02-0106).

35. Вместе с тем необходимо выяснить, какие лица считаются государственными должностными лицами в уголовном праве и насколько понятие “государственное должностное лицо” распространяется на спорную правовую норму.

В Уголовном законе понятие должностного лица определено в общем контексте, в свою очередь в Закон по предотвращению конфликта интересов содержит как общее определение, так и конкретизирован широкий круг должностных лиц (см. пункт 5.1. и 5.2. данного решения). Хотя цель Закона по предотвращению конфликта интересов направлена на объем обязанностей и ответственности, которые у должностного лица, несомненно, больше чем у любого другого лица, все-таки упомянутые лица по существу соответствуют понятию государственного должностного лица статье 316 Уголовного закона. В. Лихолая на судебном заседании указала, что оба определения не одинаковы, но не противоречат друг другу.

Анализируя понятие должностного лица в упомянутых законах, видно, что оно определено слишком широко. Суд не получил подтверждения того, что все соответствующие понятию Уголовного закона “государственное должностное лицо” должностные лица действительно выполняют обязанности, требующие

специальную защиту государства. Таким образом, в спорной правовой норме определен слишком широкий круг охраняемых должностных лиц.

Вместе с тем, спорная норма в ее настоящей редакции несоразмерна достижимой легитимной цели и противоречит гарантированному в статье 100 Конституции праву на свободу слова.

36. Учитывая то, что в судебной практике спорная правовая норма применяется редко и она имеет, главным образом, превентивный характер, целесообразно для потери юридической силы определить отменяющий срок. Если правовую норму признать недействительной в момент провозглашения решения, потери общества будут более велики, чем приобретение, так как цель спорной правовой нормы направлена на защиту основных ценностей демократического общества, упомянутых в статье 116 Конституции.

Заключительная часть

На основании статьи 30-32 Закона о Конституционном суде, Конституционный суд

решил:

признать статью 271 Уголовного закона не соответствующей статье 100 Конституции Латвийской Республики и недействующей с 1 февраля 2004 года, если до того времени законодатель не конкретизирует должностные лица, которым необходима уголовно-правовая защита в связи с выполнением возложенных на них обязанностей.

Решение вступает в силу с момента его провозглашения. Решение окончательно и обжалованию не подлежит.

Решение провозглашено в г. Рига, 29 октября 2003 года

Председатель заседания суда

А.Эндзиньш